

18+ КОГДА ЦВЕТЕТ

СИРЕНЬ

18+

Алексей Михайлов

С ДНЕВНОЙ

СБОРНИК
РАССКАЗОВ

НЕПОСЛУШНЫЙ
БАРДАК

Алексей Михайлов

Дневной сон

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55346580

ISBN 9785449887146

Аннотация

В этот сборник вошли рассказы из серии «Дневной сон» Алексея Михайлова. Сборник соткан из больных цветов и ярких красок, которые заставляют смотреть на обыденные вещи под новыми углами. Соединение бытовой жизни с сюрреализмом становится основой сборника «Дневной сон». Это рассказы о маленьких победах и больших разочарованиях, первой любви и ностальгии о детстве, о взрослении и смерти, о курящих женщинах и вечно молодых мужчинах, о хандре и прощении. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Введение	5
Женщины не курят	8
Пиши пропало	12
Спасибо, друг	15
Человека испортил	20
Хотя бы дыши	24
Неприятный осадок	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Дневной сон

Алексей Михайлов

© Алексей Михайлов, 2020

ISBN 978-5-4498-8714-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Введение

Чудовищный взгляд пронизывает меня сверху вниз. У взгляда схватки, медсестра кричит ему, что нужно больше тужиться. Это первые роды в его жизни. «Как же больно! Как страшно! А если чадо не выйдет!?! Что тогда?» – кричит взгляд. Он сверлит меня, будто врага народа, будто я – это черная кошка, перебежавшая ему дорогу!

Медсестра говорит:

– Ты наконец-то будешь горд за себя! Взгляд, ты наконец узришь своё счастье! Ты обязательно воплотишь свою мечту! Только тужься, тужься, прошу тебя!

Но сколько бы этот чудовищный взгляд не старался у него ничего не выходило. Одни лишь разбои, пьяные выкрутасы, разбитая посуда и дыры во всём: в одежде, в мебели, в людях и даже во льду.

Один лишь лёд спасал чудовищный взгляд от ужаса окружающего мира. Это был источник радости и счастья для него. Те редкие минуты, когда взгляд улыбался – это были минуты созерцания, замершей от страха и боли, воды.

Медсестра вызвала санитаров:

– Суки, скорее везите лёд! Быстрее!

Коньки. Дыхание километров льда и самого взгляда. Мир затих, он боится произвести даже шорох. Целая фура льда подъезжает к палате беременного.

– Это не тот лёд! – выдохнул взгляд. – Я же говорил, что только из Баренцево моря лёд надо брать! На край – байкальский, ну, это прям совсем, если нет других вариантов.

– Так Баренцево море не замерзает же!?! – вспыхнула медсестра.

– А что поделаешь? Что поделаешь?

Долгожданное озарение пришло в голову взгляда: он снял правый конёк, вырвал из него лезвие и стал бить по льду. Взгляд стонал от боли, из его рук капала кровь, но он яростно продолжал пробивать дыру. Лезвие правого конька сильно затупилось и ему пришлось производить ту же операцию и с левым коньком. С ещё большей яростью взгляд стал колотить лёд. Прошло больше двух часов, а он всё стоял на коленях и пробивал его.

Медсестра уже выпила три кружки кофе, посмотрела серию любимого сериала и созвонилась со своей матушкой.

– Сударь, вам ещё долго? Вас ребёнок ждет, уже даже голова видна. Малыш уже даже цокать научился, пока вы ерундой маетесь.

Лунка. Обычная лунка. Взгляд стоит над ней и плачет. Слезы, будто кровь, пущенная из живота ножом, не останавливаются. Вездесущая темнота погружает мир в ночь, и взгляд собирается топтать домой. «Всего лишь обычная лунка, обычная, такая же как у всех, ничем не примечательная... И зачем это всё?» – шептал себе под нос взгляд.

– Стойте! Стойте же! – кричит медсестра. – Вы заплатить

забыли!

– Вот когда рожу, тогда и заплачу, а пока – хрен вам!

Стол. Полночь. Выпитая бутылка водки. Помятый холодильник и пылающий взгляд. Он вдохновился идеей убийства лунки. Всё изощрённее и изощрённее мысли приходили к нему в голову. И вдруг, собравшись с силами, он выдвинулся в путь.

Второй час ночи. Спящее озеро и взгляд. Холодный ветер. Мороз. Гроза. Большими шагами взгляд подбежал к лунке. Бензин. Всюду бензин, летящий во все стороны. Содержимое четырёх канистр в секунду вылилось в лунку.

«Сука, какого черта!? Ни зажигалки, ни спичек, ни огня, ничего не взял!» Сверкнула молния. Она ударила в лунку. Вспыхнул огонь. Подул ветер. Скрипнул лёд. Взгляд стал сильно натужился!

Родилась! Картина родилась!

Женщины не курят

Я проснулся от едкого запаха дыма. Открыв окно, дым повалил в мою комнату с еще большей силой. Если бы я не жил на «Выхино», то уже бы давно запаниковал, думая, что в доме пожар. Это были два моих соседа по квартире: студентки медвуза Польша Рябкина и Ивана Молочная. Они были очень красивыми девушками... но пахло от них, как от старых дедов: вместо привычного завтрака они выбирали крепкий кофе и сигаретку, иногда к этому списку добавлялся свежий аромат уборной.

– Девчонки, вы издеваетесь что ли? Я же просил не курить под моим окном.

– Вот тебе и доброе утро! – озлобилась Польша. – Нет, чтобы предложить дамам прогуляться или попить кофейка. Надо сразу слюнями брызгать!

– Он же нахал, я тебе говорила, – подключилась Молочная.

Не став дожидаться продолжения, я обратно закрыл окно. Готовя себе завтрак, я решил мимоходом посмотреть, что же творится в мире. В новостной ленте я бы и так увидел, но мне хотелось немного посмеяться, потому включил телевизор. Листая один канал за другим, я уже решил выключить эту говорящую коробку, но неожиданно наткнулся на «В джазе только девушки», больно уж мне нравилась

Мэрилин Монро. Проворонив сбежавшую кашу, я перестал пялиться в одну точку и заметил, что моя любимая актриса постоянно находится в кадре с сигаретой. «Вот же сука!» – подумал я. До этого дня я просто уповал на её внешность, не замечая этой вредной привычки. Может быть я бы и проще отнёсся к этому, если бы не Рябкина с Молочной, но...

Как же странно смотреть на живого человека в самом расцвете сил, который уже давно умер. Мэрилин Монро излучала невероятную жажду жизни секунду назад, в кадре она абсолютна свежа и прекрасна, но «бац», ещё мгновение и её нет на этой планете. Она будто застыла во времени.

Говорят, что египетские фараоны, желая стать бессмертными, возводили пирамиду в свою честь, чтобы увековечить своё имя в истории. Интересно, если бы у них был кинематограф, то неужели они поголовно пошли бы сниматься в кино? Фильм-то точно бы стал бессмертием в их понимании, его невозможно никак удалить из интернета, а значит это намного надёжнее пирамид, ведь они рано или поздно разрушатся под влиянием человека и природы.

Правда пирамиды оставляют за собой лишь культурное наследие и материальные богатства, в отличие от кинематографа. Тысячи людей поддаются пропаганде и начинают курить, как это делают их любимые актёры. Даже представить себе не могу сколько мальчиков стали курить из-за «Острых козырьков» и девочек их-за Марлен Дитрих.

Совсем замечтавшись, я забыл про день рождения моего

лучшего друга. Коля снял большой загородный дом и обещал познакомить меня с какой-нибудь роковой красоткой. Первый раз за всё время общения с ним я полностью поддерживал его инициативу.

Впервые в жизни Коля сказал какую-то дельную вещь... И вот же гад! Напился в слюни и забыл про своё обещание. Мне пришлось последовать его примеру. Стопки и бокалы застучали, моя коммуникация пошла наверх. Я познакомился, наверное, с самой красивой и умной девушкой на Земле, по крайней мере, мне так говорила водка. Красавица рассказывала мне про русско-японскую войну и особенности древнерусской живописи. Я хоть и ничего не знал ни о первом, а тем более втором, но я был на седьмом небе от счастья! «Как же приятно, когда девушка говорит о каких-то важных вещах, так и хочется слушать её без остановки. Как же я давно хотел вот так просто поговорить с особью женского пола!» – пролетали мысли в моей голове. Время бежало, а мы всё болтали и болтали. Она сказала, что сделает мне сюрприз и вышла из комнаты.

– Держи! – вернувшись, она протянула мне бутылку шампанского.

– А где сюрприз? – глупо улыбаясь, спросил я.

– Так вот же он, – девушка с недоумением посмотрела на бутылку. – Открывай скорее.

«Сюрприз, конечно, не самый приятный после бутылки водки, но не расстраивать же я после такого прекрасного раз-

говора.» – подумал я.

Я разлил шампанское по бокалам.

– Пьем на брудершафт! – сказала дама. – Ты же знаешь как правильно?

– Вот это я понимаю сюрприз, с этого и нужно было начинать! – прошептал мой внутренний голос.

Мы потянулись губами друг к другу, и я неожиданно почувствовал запах гари и сразу после – вкус пепла.

– Тьфу, сука! Будто пепельницу поцеловал.

– Козёл... Пошёл ты!

Оставшуюся часть дня рождения я помню только по рассказам Рябкиной и Молочной. Они сказали, что я перепрыгнул одним махом лестницу, ведущую на первый этаж дома, и закричал: «Тут есть хоть одна женщина, которая не курит? Если найдется хоть одна такая особь, то я даю слово, что завтра же женюсь на ней!» Рядом со мной стояли все девять девчонок, приглашённых на день рождения, и все они смолкли, как матросы после долгого плавания. И когда я понял, что ловить тут нечего – подошел к Коле и гордо ему объявил: «В СССР женщины не курили!» Услышав меня, Рябкина стала возмущаться, но я уже её не слышал: пол был очень мягким и тёплым.

Пиши пропало

Окна рычат. Я родился вместе с луной, но не сразу, лишь через двадцать лет. Людей рядом нет. Нет, я не одинок, просто время такое. Мне кажется или ночью больше людей!? Ведь ты должен меня понять? Кто если не ты. Двери закрыты, но при надобности их откроют. Только не понятно: чья надобность заставит открыть эти двери? Ладно двери, ведь и окна уже забили гвоздями. Ты никому не говори, но я сломал второй слой этого чёртово бруска... Только прошу! Не осуждай меня, я просто хотел подышать воздухом. Причём, представляешь – я замёрз, не сразу, но замёрз. В итоге пришлось самому обратно забивать брусок. А у меня руки же не из такого места растут... Если полиция придет, то беда будет: на окне видно, что моя работа. Но я, на всякий случай, придумал план «Б»: вдруг что – я сразу в лес побегу рядом с домом. Там даже пруд есть, так что от голода точно не умру. Я даже сходил туда, нашел местечко, дом построил. Правда его бобры засудили, но ничего, хочешь жить – умей вертеться, мне так друг говорил. Жалко, что теперь он тоже один. Он тоже не жалуется, я же говорю – это просто время такое.

Я вот уехать хочу. Не знаю куда... Точнее знаю, но об этом вслух лучше не говорить, иначе сам знаешь – придется чай пить, а он не вкусный, так и вредный же ещё, ну, разумеет-

ся если пить много, а там его пить много придется. Не договорил я опять, странно, почему? А, точно, вспомнил... Штраф же будет, да причем какой штраф? Большой?! Хотя для меня считай, что ничего! Как говорится ноль делить нельзя, ой, или на ноль делить нельзя, в общем, все операции с нулем запрещены. Так что выкусите!

О птичках, теперь я детей больше слушаю, хм. Или они меня... Главное! Главное, что мы подходим друг другу. Слушай, мыслишка одна есть... Если они не знают, что в мире происходит, а я не хочу об этом знать, то получается мы родственники? А если мы родственники, то почему нам запрещает общаться государство? Мы же всего лишь хотим собраться в одном месте, обсудить насущные проблемы. Но нет, законом запрещено. Ты меня особо не слушай, а очень часто полный бред несу. Но всё-таки они бояться нас.

Представляешь, у меня спросили накануне: «Тебе нормально на улицу не выходить, а?» Причем очень негативно спросили: со злостью, с ненавистью... Я виноват, что ли? Я – законопослушный гражданин! Я оплачиваю штраф после задержания на следующий день, сразу считай. И так давят на меня... Даже ты знаешь, что мне не нравится, когда на меня давят. Тем более они там, а я – здесь, они даже не знают какво это быть здесь, пока они там! У них ещё всё работает: почки работают? – да. Печень работает? – да. Даже перечислять не хочется, даже самые глупые поймут, что у них всё на месте! Всё!

Так беспрерывно двигаться очень устаю. Правый бок, кухня, спальня, левый бок. О чем это я? А, точно, там позади что-то треснуло и сразу очень страшно стало, оказалось, что самолюбие у меня треснуло. Сначала так легко от этого стало, а потом грустно. Получается, что больше не люблю себя, а значит зачем жить? Не знаю, надеюсь, что это всё-таки не у меня что-то треснуло. Пусть лучше даже под кроватью треснуло, я даже готов под неё заглянуть. Ты главное пиши мне! Я очень жду от тебя ответа, ей богу, мне стыдно становится от того, что не пишу. Главное – поймать меня в тот момент, когда мне стыдно стало. А то упustiшь момент и пиши пропало – я забуду, что мне было стыдно. А значит ничего не было.

Спасибо, друг

Он уже больше пяти лет сидит под моими окнами во дворе и смотрит в сторону школы. Каждый день около девяти часов вечера он приходит сюда и садится на одну и ту же лавочку. К слову сказать, лавочка претерпела намного больше изменений, нежели сам мужчина. Я ни разу не видел, чтобы он улыбался, плакал или вообще испытывал эмоции. Зато лавку уже трижды перекрашивали, один раз ей ломали спинку, а в конце концов лавочка-то уже не та стоит, её поменяли чуть больше года назад. А он кажется даже и не заметил этого.

– Добрый вечер! – мужчина медленно повернулся в мою сторону и, улыбаясь, одобрительно махнул мне головой. – Как вас зовут? – незнакомец ещё целую вечность сидел молча.

– Володя, хм, точнее Владимир, – хриплым, но очень, по-детски, живым голосом сказал он.

– А я Юра. Приятно познакомиться. Владимир, вам нужна помощь?

– Зачем? – снова, улыбнувшись, сказал Владимир. Меня одолел когнитивный диссонанс... Таким живым этого человека я ещё ни разу не видел, при этом у меня не пропадало ощущение, будто я разговариваю с каким-то роботом, который запрограммирован лишь изредка улыбаться и давать

максимально краткие ответы. – Друг, спасибо тебе большое, но мне никакая помощь не нужна, у меня всё хорошо, – у него покатались слёзы по щекам, он быстро встал с места и пошёл в противоположную от меня сторону. Я не стал оставаться навливать его, мне стало немного неловко и даже страшно.

Уже два дня Владимир не появлялся на своём месте. «Что же такого я сделал?» – неустанно я спрашивал себя. Я никак не мог понять, что именно спугнуло незнакомца, но одно я знал точно – я очень хочу ещё раз увидеться с ним и поговорить.

Прошла неделя, а мужчина все также ни разу не приходил к своей лавочке. «Зачем я вообще к нему подошёл? Неужели я что-то испортил? Нет, что за бред!? Я же просто подошёл к нему и предложил помощь... А если я его обидел чем-то? Тогда он мог мне просто сказать об этом, и я бы извинился. Та ну его, видимо, просто другую лавочку себе нашёл, сумасшедший какой-то!» – думал я.

– Юра, пора ужинать, – крикнула с кухни моя бабушка. – Тебе помочь?

– Нет, я сам.

– Хорошо.

Бабушка работала долгое время психологом, а когда родился я, она оставила работу и занялась мной.

– Помнишь, что у тебя завтра запись на 9:00 к Федору Николаевичу? (Федор Николаевич – это лучший хирург в городе и почти молодой человек моей бабушки), поэтому сегодня

надо лечь пораньше. Никаких ночных посиделок на балконе. Так и быть, не больше получасика. Хорошо, мой дорогой?

– Да, бабуль.

Ложась спать, я ещё очень долго думал про незнакомца: «Где он сейчас? О чём думает? Ведь наверняка о чём-то интересном. Не могут люди думать о чём-то неинтересном, если сидят на одном и том же месте долгое время. Иначе бы они не сидели... Было бы замечательно с ним ещё раз поговорить, только в этот раз аккуратнее нужно быть мне!»

– Поздравляю, Юрец! В очередной операции ты не нуждаешься. Продолжай заниматься в том же духе и очень скоро ты встанешь на ноги.

– Федор Николаевич...

– Юра, какой Федор Николаевич? Я же просил тебя. Зови меня просто Федяем.

– Федяй, у тебя есть время поговорить? Или приём сейчас будет?

– Для тебя всегда время найдется.

Я стал рассказывать ему про незнакомца, а он, неожиданно для меня, заинтересовался этой историей, сказал, что лично знает Владимира, но ничего про него не стал говорить. Дал его адрес, сказав, что он будет рад со мной ещё раз увидеться. Предупредил лишь, что с ним нужно быть очень бережным. «Володя ранимый!» – повторял Фёдор Николаевич.

Долго не думая, я позвонил бабушке и попросил довести меня по адресу, который мне дал дядя Федяй.

«Мне было шестнадцать лет и я учился в девятом классе. У нас была филологическая школа, я туда специально перешёл, чтобы сдать хорошо экзамены по литературе, в другой школе я бы их точно не сдал, слишком уж большим гулякой был. Литература меня толком не интересовала. Но я же на актёра хотел поступать, а без неё – ни в один университет меня бы не взяли. У нас в городе ни одного театра не было, одни лишь школьные спектакли шли и то только в той школе, где я учился. А с руководителем кружка я был не в самых дружественных отношениях. Она мне за величественность поэзии Пушкина и Мандельштама говорила, мол это наше всё! А когда я спрашивал почему, то в ответ лишь слышал: „Лавров, слушать надо было внимательно! Тогда бы глупых вопросов не возникало!“ Женщина-то умная была, действительно умная, просто выскочек сильно не любила. Поэтому даже в школьные спектакли я не попадал. Но меня туда очень тянуло. Я всегда был за кулисами во время выступлений, помогал ребятам на репетициях, придумывал вместе с ними сценарии будущих спектаклей. На генеральной репетиции „нового года“ мне нужно было повесить большие картонные снежинки на люстру, к слову сказать, потолки в актовом зале были метров шесть. Взял стремянку, залез на самый верх, стал развешивать снежинки, всё шло по плану. Но потом, засмотревшись на свою даму сердца, самую красивую в школе, между прочим, я потерял равновесие и полетел вниз головой... Очнулся я ни в школе, ни дома, а в больнице, всю-

ду утыканый шлангами. Как оказалось, я впал в кому. Впал в кому на четырнадцать лет: очень уж любили меня мои родители, не могли никак отпустить, в итоге всё своё состояние потратили на поддержание моего здоровья. Жалко их...» — не проронив ни одной слёзы, сказал дядя Володя.

У меня не было сил держать в себе слёзы, а он мне сказал: «Друг, прости меня, у меня ведь действительно всё налаживаться стало после встречи с тобой, ты как только подъехал ко мне на коляске своей и спросил нужна ли мне помощь, я подумал: а не дурак ли я? Руки, ноги есть, всё есть, а жизнь понапрасну трачу!» Вот и на работу я уже устроился! Спасибо тебе, друг!

Человека испортил

Закряхтел воздух, похоже он стал чище. Теперь можно и подышать. Даже сверху дали команду дышать, так что теперь точно все идёт по плану. Как у Летова поётся, помните?

А моей женой накормили толпу,
мировым кулаком растоптали ей грудь,
всенародной свободой растерзали ей плоть.
Так закопайте её во Христе.

Больно наблюдать за тем, как копает себе могилу любимый тебе человек. Земля летит лопатами. И с каждой брошенной щепоткой – душу всё больше дятлы долбят. Так ритмично и так красиво, что порой забываешь всё на свете, убаюкиваешь себя этой музыкой. Иногда даже нравится себя так убаюкивать, ощущать будто тебе больше всех на свете. Это ведь так замечательно быть особенным, хотя бы в таких мелочах стать чуть-чуть более интересным человеком, нежели на самом деле.

А запах? Вы когда-нибудь чувствовали запах брошенной земли из окопа? Он, этот окоп, уже же никогда не станет прежнем: все будут его помнить, но его не вернуть. Что нельзя сказать про тот запах, он так сильно въелся в голову, что его невозможно забыть: будто запах отца, который зашёл

с холода, смешали с запахом кислого молока... И запах этот бродит из одного угла в другой и веет то уверенностью в завтрашнем дне, то чувством брезгливости, которое потом перерастёт в желание вернуться в прошлое и изменить всё, всё то, что хотелось бы изменить.

А земля всё больше и больше выходит из своих берегов и уже не кажется, что это так невозможно.

А что будет если всё вернуть? Допустим я вернусь назад, в прошлое, допустим, на 10 месяцев и 13 дней, неужели мне хватит силы?

Конечно хватит! Я же мужчина! Матушка всегда говорила мне оставаться мужчиной вопреки нежному нутру. Она говорила, что нежным нужно с женой быть, а самому не бояться. Ничего не бояться.

Вновь этот запах, ненавижу его. Он ведь такой едкий... Хуже сероводорода перемешанного с краской. Даже хуже надежды.

Опять эта физиономия, фигура прямая и нос такой же прямой, аж плюнуть хочется. Всё как надо? А кто это надо придумал-то? Ты? Или может отец твой? Это ведь неважно. Сука, ненавижу этот запах.

Идёт, как противно и мерзко.

«Внимание! Всем быть собой! Кто будет кривить душой – того к чертям выгоню отсюда! Все меня услышали!? Быстро расслабились и будьте собой, когда вы такие, какими вас природа создала – вы прекрасны!» После этих слов каждый

шорох затих, каждая фигура, человеческая и нечеловеческая застыла.

«Кому я сказала!? Вы в жизни такие же скучные и неинтересные? Боже, на вас даже смотреть противно... Все такие уродливые! Неужели так сложно расслабиться!? Я считаю до трёх. Раз, два. Нет, я больше не буду это терпеть! Я не собираюсь тратить своё драгоценное время на вас, прощайте!»

Вот именно тогда любимый мой человек начал копать себе могилу. Он выдолбил из ламината два бруска. Я его спросил тогда, очень настороженно – «Зачем, зачем и почему?» Ответ был не ясен, для меня неясен, а человек знал, что это крест будет, крест над могилкой его, а вовсе не яшень.

Человек домой пришел, уставший и голодный. А я счастливый, вот и решил поделиться счастьем. Человеку сразу легче стало. Не так уж и плохо жить стало. Видимо, до этого была чёрная полоса, а сейчас наконец-то наступила долгожданная белая полосочка.

Собой становясь, терял вдруг меня, а я его. И скверно от этого становилось. Хочется всё поменять, а как? Один лишь бог знает.

Кривить душой я начал... Подыгрывать стал... Зря подыгрывал. Собой человек в итоге и стал, только каким, мать твою, собой, я до сих пор понять не могу? Что это вообще, сука, значит? Я когда чищу зубы могу не собой быть? Когда во сне подушку обнимаю я такой, какой родился или

нет? Когда стесняюсь с просьбой к продавцу обратиться – я другой какой-то? Или может когда кофе пью в одиночестве в случайной забегаловке я – не я? По-моему, они там все страх потеряли от безделья. А коли заняться нечем, то и начинают ересь всякую нести, причем какую ересь!? Таковую, что верят все.

Запах хоть и противный, земля хоть и мокрая, человек хоть и самим собой наконец стал, а я видимо старомодный слишком: лопату его выкинул куда подальше, красноречиво обматерил и до дома донёс. Там борщом вкусным накормил и спать уложил. А проснувшись, человек опять самим собой стал, таким, каким я раньше его знал.

Видимо, человека испортил и весь труд его напрасным сделал.

Хотя бы дыши

Ты слышишь? Ты это слышишь? Эй, ты слышишь или не слышишь?

Вот том-то и дело, что ничего не слышно. А ведь очень хочется что-то да слышать: скрипы качелей, шум от мимо проезжающих машин, господи, хочется слышать хотя бы потрескивание лампочки или даже капель от сломанного крана.

Слушай, а ведь если так оно и дальше пойдет, то мне захочется видеть. Нет, я не намерен лезть на закрытые заводы за забор к злым собакам, хотелось бы посмотреть телевизор. Представляешь, его раньше не запрещали, а наоборот рекомендовали, даже больше скажу – чуть ли не заставляли смотреть его. Вот же раньше дурные люди были... Их заставляли смотреть телевизор, а они отказывались, теперь запрещают нам смотреть его, а мы просим включить его хотя бы на пару минуток. Теперь страдаем из-за них.

Вот раньше было намного лучше. А какие цари были у ма-тушки нашей, России, ух, закачаешься, все только и хотели, чтобы народ наш получал удовольствие от жизни. Врачёв говорил: «Кайфуйте дома, работать не нужно!» Пильцин говорил: «Кайфуй народ, кто не пьёт, тот чёрт без рогов!» Су-тин говорил... Хм, а он много чего толкового говорил, целых 30 лет заставлял удовольствие получать, правда пацан

какой-то яйцеголовый постоянно пробегал мимо, мешал ему страну с колен поднимать, а так восхитительное время было.

Слушай, я больше не могу тебя обманывать. Я больше не могу сдерживать свои эмоции и молчать. Даже если меня посадят, то по крайней мере я останусь с чистой душой. Это невозможно держать внутри себя. У меня вчера день рождения был. И я никак не мог смириться с тем, что я не услышу и не увижу ничего в этот прекрасный день. Я очень долго думал и всё-таки решил выйти на улицу... Ты не представляешь, как сильно там всё изменилось. Я просто не мог сдержать своих эмоций, хотелось кричать от восторга. Природа так хорошо отдохнула от человека, что в Москву наконец-то прилетели долгожданные пингвины, в Москве-реке киты синие купаются, а Воробьёвы горы теперь охраняют кроманьонцы. И, конечно, я не мог об этом молчать, мне захотелось увидеть моих старых друзей и мою любимую женщину. Я очень тихо перебежал с одной улицы на другую, лелея единственную мысль: я смогу собраться с самыми близкими людьми на земле как раньше, мы найдем наше тайное место, где нас никто не найдет.

Подойдя к дому моей женщины, я увидел на балконе обезумевшего человека, его глаза извергали невероятный страх вперемешку с удивлением и счастьем. Забравшись на третий этаж и, рассмотрев внимательнее этого человека, я обнаружил в нём свою девушку.

Осталось дело за малым – найти друзей. Я им позвонил

и сказал, что проставляюсь. Они семь месяцев сидели взаперти и боялись выйти на улицу, а услышав слова, в ассоциации с которыми у них возникает халява и праздник, тут же спросили куда им выезжать.

Наше место не изменилось. От него также веяло свободой и молодостью. Разгорающийся костер стал нашим символом бесстрашия. Пятеро молодых людей, заводившие песни и пляски литрами вина, перестали ощущать страх. И их лагерь лишь поддерживал в этом: высокие густые деревья закрывали ребят от полицаев, яркий огонь отпугивал животных, а дождь с туманом прятал дым, который в ясную погоду был бы виден в километре от места.

Удар по голове и время заморозилось, оно буквально остановилось. Люди, окружающие меня, замерли. Ты понимаешь, они все замерли в таких позах, которые точно были неудобны для обычных людей в повседневной жизни. Я подошёл к нашему столу, взял бутылку вина, выпил содержимое залпом и упал на землю. Земля начала дышать лёгкими, она то поднимала, то опускала меня, её поры раскрылись, и я почувствовал её лёгкое и свежее дыхание. Земля сильно выдохнула, подо мной образовался глубокий кратер, затем она овеяла меня собой и спокойно сказала: «Хотя бы дыши!»

Неприятный осадок

Сапоги были украдены. Началась драка. Я и мои товарищи во избежание тюрьмы отправились на фронт. Большинство друзей было расстреляно. А должности, которым должны были заплатить за расстрел моих друзей, тоже подверглись расстрелу. Немного позже и их расстреливали недавно нанятые люди, чья судьбы были предрешены неудачами, в какую однажды попал и я. В будущем и их расстреляют, даже не сомневайтесь.

Я сбежал. Можете называть меня трусом. Я готов хоть сейчас встать перед вами на колени, я готов извиниться перед всеми людьми, что я предал. Не судите меня строго... Прошу прощения... Пожалуйста...

На асфальте лежал труп, он пел песню канарейки, подобно мясу, которое долго жарится на раскаленной сковороде. Я попросил Фила помочь донести его до ближайшей ямы. Хотелось сделать хоть что-то напоминающее могилу. Пришлось вырвать две дощечки из забора, который недавно украшал чей-то дом. (Интересно, сколько человек жило в доме? Наверное, много... Там два этажа целых было, а возможно даже три.) Прибили друг к дружке доски в виде креста. Яму пришлось заполнять своими руками, хорошо, что земли вокруг хватало. Закончив, Фил заметил грустного меня и решил немного разбавить обстановку шуткой, он сказал: «На-

конец-то мы открыли свой бизнес, друг, теперь можем официально брать деньги с людей за место на нашем кладбище!» Я ему улыбнулся, выразив благодарность за заботу.

В сотне метров от дома стояла некогда детская площадка. Красно-белая ленточка колыхалась на качелях уже больше полугода. На ней осела угольная пыль. Качели наполнили свою душу больными цветами, всюду покрытые ржавчиной, они плакала от тоски по детям, которые так давно не катались на них. Я подошёл к одной из них и сорвал ленту.захотелось вспомнить детство и немного покачаться, Филипп тоже вдохновился этой идеей. Сев на качели, у него в глазах пробежал ужас. Я посмотрел в ту же сторону, что и он и увидел очень старый и высокий дуб, на ветвях которого висели дети. На каждой ветки было не меньше двух маленьких человечков. Мы сидели вдвоём и смотрели на этот чёртов дуб, а перед глазами была лишь пелена. Он заплакал. Я заплакал. Мы сидели и рыдали. Два взрослых мужика... Я молил бога, чтобы в то же мгновение я проснулся, но сон никак не заканчивался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.